РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 35. 28-го Августа 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5** р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ **5** р. **50** к. | Безъ доставки въ Москвѣ **5** р. **25** к. | Съ пересылкой по всей Россіи **6** р. | За границу **10** р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ **3** р., за 3 мѣсяца **1** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) **50** к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ **2** р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ПРОСЬБА ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ИЗДАНІЙ „РОДИНА“

Главная контора изданій «Родина» обращается къ гг. подписчикамъ съ покорнѣйшей просьбой **прилагать ко всякаго рода письмамъ и переводамъ тотъ АДРЕСЪ**, который наклеивается на оболочку журнала. Если приложить этотъ адресъ не представляется возможнымъ, то убѣдительно просятъ проставлять слѣдующее: **номеръ, стоящій въ лѣвомъ верхнемъ углу адреса, и цифры тракта и мѣста**, стоящія въ **правой** сторонѣ адреса, т. е., дѣлать приблизительно такую надпись: **№. 15.275, тр. 30, м. 175.** Подобная надпись значительно облегчитъ всякаго рода справки, которыя приходится дѣлать конторѣ по заявленіямъ гг. подписчиковъ, и отъ успѣшности этихъ справокъ зависитъ быстрота выполненія просьбъ и заявленій гг. подписчиковъ.

Нежданный.

Томительно тянутся дни,
Томительно тянутся ночи!
Мой милый, мнѣ счастье верни,
Взгляни мнѣ попрежнему въ очи!
Вдали отъ родимой страны
Ты вспомни деревню родную,
Ты вспомни и слезы жены,
И жизнь на деревнѣ иную.
Мой милый, вернись поскорѣй
Съ кроваваго боя поляны,
Въ родимой деревнѣ твоей
Залечимъ мы всѣ твои раны.
На что это? Стукъ подъ окномъ!
Не во-время, гость ты нежданный.
Но, Боже мой! голосъ знакомъ!
Вернулся мой милый, желанный!

Т. Славичъ.

НЕЖДАННЫЙ. Оригин. рисун. **Е. Степановой.**

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

XL.

Новая примадонна не поражала объемомъ своего голоса, въ иныхъ мѣстахъ онъ даже звучалъ очень слабо, но серебристый, мягкій тэмбръ *) его, живой темпераментъ пѣвицы, ея немного утрированная **) игра, но больше всего ея красота увлекали послѣ каждаго акта все больше и больше слушателей, такъ что по окончаніи третьяго акта уже предвидѣлся хорошій успѣхъ. Этому помогло еще то, что Кончетта выгодно выдѣлялась среди остальныхъ артистовъ; составъ ихъ, исключая красавца-тенора, которому тоже ради его красоты простили нѣсколько невѣрно взятыхъ имъ нотъ, былъ неважный. Въ особенности плохъ былъ баритонъ, дѣйствительно, чуть не испортившій дуэта съ Кончеттой.

Опера окончилась успѣшно для дебютантки. Она, вся розовая отъ волненія, послѣ нѣсколькихъ выходовъ на апплодисменты публики быстро вбѣжала въ свою уборную. Князя тамъ еще не было.

— Вы были сегодня восхитительны!—сказалъ ей теноръ, вошедшій вмѣстѣ съ нею.

— Я вамъ понравилась?—прошептала въ отвѣтъ пѣвица, окидывая его ласковымъ взглядомъ своихъ глубокихъ черныхъ глазъ.

Теноръ усмѣхнулся.

— Развѣ вы можете кому-нибудь не нравиться?—вкрадчиво сказалъ онъ ей,—такая красота, какъ ваша, любому мужчинѣ вскружитъ голову. Впрочемъ...—и онъ замолчалъ.

— Что „впрочемъ“? договаривайте!

— У васъ есть одинъ, у кого голова уже закружилась.

Пѣвица сдѣлала легкую гримасу.

— Къ чему это напоминать? неужели вы думаете, что онъ мнѣ такъ пріятенъ?

Испанецъ закрутилъ свои густые усы и отвѣтилъ, какъ-бы извиняясь:

— Простите, я не думалъ васъ этимъ оскорбить.

— Говорите о чемъ-нибудь другомъ!

— У меня одна только мысль, одно на умѣ... Я васъ люблю!

Кончетта засмѣялась.

— Такъ быстро! вѣдь, мы и знакомы съ вами всего одну недѣлю...

— Но это не мѣшаетъ мнѣ влюбиться въ васъ, какъ безумному!

— Не вѣрю! вы смѣетесь надо мною!—пыталась возразить итальянка, но, точно завороженная, не спускала своихъ глазъ съ собесѣдника.

— Не вѣрите?—горячо промолвилъ пѣвецъ,—хотите меня испытать?.. бѣжимте!

Дѣвушка еще громче захохотала.

— Куда? зачѣмъ?—и, замѣтивъ опечаленный видъ своего новаго поклонника, продолжала:—когда я рѣшусь на это, то, кромѣ васъ, никто не будетъ моимъ рыцаремъ.

Въ дверь постучали, и въ уборную вошелъ самъ директоръ.

— Прекрасно, мадемуазель, прекрасно! браво, браво!—заговорилъ онъ, мягко хлопая ладонями рукъ, обтянутыми перчатками.—Попоете, еще лучше освоитесь! А гдѣ-же князь?

— Я замѣтила его въ первомъ ряду креселъ... да вотъ и онъ!—отвѣтила Кончетта.

Гостомыжскій, войдя въ уборную, пожалъ всѣмъ руку; онъ только что вернулся изъ кассы, гдѣ подсчитывалъ спектакльный сборъ.

— Итакъ, князь,—замѣтилъ директоръ,—мы съ вами не ошиблись, какова артистка-то, какой чудесный голосъ, игра, оживленіе! я увѣренъ, что она далеко пойдетъ.

Теноръ послалъ воздушный поцѣлуй Кончеттѣ и исчезъ изъ уборной.

— Однако, мы вамъ мѣшаемъ, мадемуазель,—продолжалъ директоръ,—пойдемте!

И они вышли въ корридоръ.

Черезъ нѣсколько времени Кончетта отправилась вмѣстѣ съ Арсеніемъ домой. Неожиданный успѣхъ вскружилъ ей голову, итальянка въ самомъ дѣлѣ начала думать, что она, дѣйствительно,—крупная артистическая величина.

— Я теперь увѣрена за свою карьеру,—не безъ гордости сказала она князю,—спою еще разъ здѣсь „Травіату“, какъ мы уговорились, а затѣмъ достать хорошій ангажементъ будетъ очень легко.

Въ эту минуту ей почему-то вспомнился испанецъ-теноръ и внезапно явилась увѣренность, что онъ ей можетъ въ этомъ случаѣ быть полезнымъ.

— Что-же ты думаешь сдѣлать послѣ этихъ спектаклей?—неувѣренно спросилъ Гостомыжскій.

— Вотъ странный вопросъ! разумѣется, искать ангажемента и ѣхать, куда пригласятъ.

— А я?

Кончетта поняла, что сказала лишнее.

— Разумѣется, мы поѣдемъ вмѣстѣ!—поспѣшила она поправиться.

Князь невольно вздрогнулъ.

„Куда, зачѣмъ ѣхать?“—пронеслось у него въ мысляхъ. Какое-то гадливое чувство къ своей безхарактерности охватило его.

Кончетта не замѣтила въ немъ перемѣны, она думала только о своихъ будущихъ успѣхахъ.

Появившіяся на другой день рецензіи въ газетахъ очень льстили дебютанткѣ, хотя похвала ихъ больше всего была обращена на красивую внѣшность пѣвицы.

Черезъ три дня должно было состояться второе представленіе „Травіаты“ и затѣмъ театръ „Делла-Моннэ“ снова долженъ былъ погрузиться въ тишину и мракъ до начала зимняго сезона.

Несмотря на то, что успѣхъ Кончетты былъ уже вполнѣ обезпеченъ, къ Гостомыжскому снова явился рыжій Бержье и предложилъ на этотъ разъ... не мѣшать успѣху, разумѣется, опять за извѣстную сумму.

Волею-неволею пришлось исполнить требованіе всесильнаго начальника клаки.

— Сколько?—брезгливо спросилъ его Арсеній.

— Пустяки, всего двѣсти франковъ.

Деньги были уплачены.

— Ты хорошо сдѣлалъ, Арси, что уплатилъ, эти мошенники могутъ страшно навредить,—похвалила князя Кончетта и отошла отъ него.

Съ нѣкоторыхъ поръ она стала къ нему какъ-то невнимательна, поцѣлуи ея сдѣлались для него рѣдкостью и онъ цѣлыми днями ея не видѣлъ. Она проводила все время, посѣщая вмѣстѣ съ теноромъ различныя театральныя агентства антрепренеровъ.. Санхецъ сталъ ея тѣнью, ни на минуту не покидая ея. Кончетта привыкла къ его присутствію и, когда тенора не было съ нею, она волновалась.

*) Тэмбръ—характеръ звука голоса.

**) Преувеличенная, впадающая въ крайность.

Князю было не до нихъ; масса счетовъ, требованій расчетовъ по дебюту итальянки обрушилась на него. Онъ уплачивалъ по нимъ, пока еще оставались деньги, въ ожиданіи денегъ изъ Россіи, но на этотъ разъ немедленнаго телеграфнаго перевода старуха Ухина не сдѣлала, и Арсеній со страшнымъ нетерпѣніемъ ждалъ ея письма.

Второе представленіе „Травіаты“ хотя и не привлекло много публики, но прошло еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ первое. Пѣвица не успѣвала выходить на сцену раскланиваться на аплодисменты. Но зато, гордясь одержаннымъ успѣхомъ, она совсѣмъ перестала обращать вниманіе на Арсенія и если и замѣчала его, то только тогда, когда ей нужно было дать ему какое-нибудь порученіе.

Звукъ ея голоса пробуждалъ совершенно обезличеннаго молодого человѣка и онъ порывисто бѣжалъ исполнять ея приказанія.

XLI.

Погасли театральные огни, театръ опустѣлъ. Въ комнатѣ Кончетты въ гостиницѣ раздавался веселый, довольный смѣхъ итальянки и часто звучалъ мягкій теноръ Санхеца.

Гостомыжскій, только что пославшій вторичную телеграмму бабушкѣ, вернулся въ гостиницу. Проходя мимо комнаты своей подруги, онъ хотѣлъ войти, но, услышавъ, что тамъ еще артисты, прошелъ прямо къ себѣ.

Отвернувъ кнопку электрической лампы, онъ замѣтилъ на столѣ письмо.

Оно было изъ Россіи отъ бабушки и содержало слѣдующія строки:

„Устала я, дружокъ, посылать тебѣ деньги, а, главное, не знаю, на что онѣ идутъ; хорошо, если на дѣло, а если опять на какую-нибудь блажь?! Кое-что довелось намъ обѣимъ, мнѣ и Дунѣ, услышать про тебя неладнаго. Люди толкуютъ, что не дѣломъ ты тамъ занимаешься. Ой, послушай совѣтъ старухи, любящей тебя! брось все, пріѣзжай домой, лучше будетъ, а то безъ тебя Дунечка совсѣмъ извелась, скучаетъ да плачетъ. А денегъ и не жди!“.

Подобныхъ писемъ Арсеній никогда еще не получалъ отъ Анфисы Матвѣевны и оно поразило его, какъ громомъ.

— Что я буду дѣлать?!—съ отчаяніемъ сказалъ онъ самъ себѣ, безпомощно опустивъ голову.—Еще многое нужно уплатить, а гдѣ достать денегъ? какъ выбраться изъ этого столь некрасиваго и непріятнаго обстоятельства?

Онъ сознавалъ, что ожидать присыла денегъ отъ бабушки будетъ напрасно, такъ какъ старуха не любила измѣнять свои рѣшенія. Если-бы и оказали ему кредитъ, то только очень краткосрочный. Но чѣмъ-же его оправдать, гдѣ достать денегъ?

„А сборъ со спектаклей? вѣдь, онъ всецѣло перешелъ въ карманъ Кончетты!.. Надо на время у нея взять деньги, это—лучшій исходъ!“—мелькнула у Арсенія мысль и, ободренный возможностью выйти изъ непріятнаго положенія, онъ пошелъ къ пѣвицѣ.

Въ комнатѣ Кончетты уже никого не было изъ гостей.

— Что это такъ поздно?—недовольно проговорила артистка,—я уже и не ждала тебя.

— Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобою,—началъ Арсеній.

Пѣвица сдѣлала гримасу и недовольно сказала:

— Опять кого-нибудь приревновалъ ко мнѣ? какъ это мнѣ надоѣло!

— Успокойся, совсѣмъ другое... я получилъ письмо отъ бабушки...

Кончетта оживилась.

— А! значитъ, тебя, вѣроятно, можно поздравить съ деньгами? Ты мнѣ долженъ подарить на память о моемъ сегодняшнемъ успѣхѣ какую-нибудь вещь. Не правда-ли, Арси, ты это сдѣлаешь?—сразу перемѣнилась въ обращеніи пѣвица.

Князь молчалъ; онъ не зналъ, что ему на это отвѣтить, но, наконецъ, сказалъ:

— Видишь-ли, дорогая, сейчасъ это для меня невозможно; я, напротивъ того, пришелъ у тебя просить одолжить мнѣ на нѣсколько дней часть денегъ, которыя ты получила за входные билеты въ театръ.

На лицѣ Кончетты показалось нескрываемое изумленіе.

— Странно! зачѣмъ онѣ тебѣ, разъ ты самъ получилъ изъ Россіи?

Князь, краснѣя, долженъ былъ сознаться, что деньги ему не высланы.

— Ты не получилъ?

— Да, бабушка на меня сердится и не хочетъ высылать больше.

Кончетта сдѣлалась серьезна и сказала:

— Къ сожалѣнію, мой другъ, и я ничѣмъ не могу тебѣ помочь, эти деньги я уже отослала отцу, который въ послѣднее время сильно нуждается.

Слова итальянки были очевидною ложью; театральный сборъ обоихъ вечеровъ всецѣло лежалъ въ ея шкафу и изъ него она ничего не истратила.

Всегда слѣпо довѣрявшій ей Арсеній на этотъ разъ понялъ, что она просто не хочетъ ссудить его этими деньгами, и ему стало какъ-то страшно больно и обидно. А въ довершеніе всего Кончетта еще холодно сказала ему:

— Завтра мы потолкуемъ объ этомъ, обсудимъ серьезно, а теперь прощай, иди спать, я очень устала и хочу отдохнуть.

Гостомыжскій послушно пошелъ къ двери.

— Завтра утромъ не приходи ко мнѣ, я уйду рано!—крикнула ему вслѣдъ пѣвица, запирая на ключъ дверь.

Точно разбитый, вернулся къ себѣ Арсеній. Мысли его путались. Тщетно старался онъ ихъ связать, но ничего связнаго не получалось. Долго еще ходилъ онъ по своей комнатѣ и только подъ самое утро бросился не раздѣтымъ въ кровать, чтобы забыться на короткое время тяжелымъ сномъ.

Сознаніе, что необходимо искать денегъ, его не покинуло, но, чѣмъ дольше онъ думалъ о томъ, гдѣ ихъ найти, тѣмъ болѣе убѣждался, что это почти невозможно.

Тѣмъ не менѣе, съ самаго утра князь отправился на поиски.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ горничную.

— А мадемуазель давно уже ушла?—спросилъ онъ послѣднюю.

— Она еще не вставала, она долго вчера не ложилась, у нея были гости, артисты.

(Окончаніе будетъ.)

„СЪ ТОГО СВѢТА“.

(Эпизодъ изъ нынѣшней войны.)

Р. Л. Антропова.

I.

Несмотря на дивный, сверкающій день съ его каскадомъ горячихъ золотистыхъ солнечныхъ лучей, съ немолчнымъ стрекотаніемъ кузнечиковъ, съ воздушной пѣснью жаворонковъ, въ селѣ «Крутыя Ямы», расположенномъ въ семи верстахъ отъ губернскаго города Т***, царили тоска, уныніе, отчаяніе. Словно что-то черное, страшное неотвратимымъ покровомъ задернуло, обволокло и это ласковое бирюзовое небо, и этотъ виднѣющійся вдали красивый, зеленый лѣсъ, и эту милую рѣчку, сверкающую, точно расплавленное серебро.

НАДЕЖДА. Скульптура **А. Зоммера.**

Тоска и уныніе начались въ «Крутыхъ Ямахъ» съ того момента, когда рано утромъ десятскій Безпаловъ прошелъ по селу, рѣзко стуча палкой въ ставни избъ и крича необычайно громкимъ голосомъ:

— Иванъ Митричъ, слышь, на сходку! Петръ Мосеичъ, слышь, на сходку! Вавила Романычъ, слышь, на сходку!

Въ избахъ произошло движеніе. Изъ одного оконца высунулась взъерошеная голова и тревожно спросила:

— Для чего, значитъ, на сходку-то?..

— Тамъ узнаешь,—нехотя бросилъ десятскій. — А только, примѣрно, насчетъ войны, призыва...

И лишь только эти два слова: «война» и «призывъ», ворвались съ горячимъ лѣтнимъ воздухомъ въ избы обывателей «Крутыхъ Ямъ», какъ визгливо-рѣзкій, нудно-скорбный бабій крикъ-плачъ огласилъ раскаленную, пыльную улицу села.

Этотъ крикъ былъ настолько неожиданъ и страненъ, что безмятежно валявшіяся въ пыли свиньи вздрогнули, вскочили на свои короткія ноги, выпрямили хвосты-закорючки и въ недоумѣніи уставили тупыя морды въ избы, откуда съ каждой минутой бабій плачъ несся все съ большей и большей силой.

Близъ «жигулевки», сборной избы, имѣвшей назначеніе давать ночлежный пріютъ прохожимъ, временное пристанище мертвымъ тѣламъ и «образумленіе» для пьяницъ, буяновъ, на небольшой полянѣ, сходка была почти уже въ сборѣ. Впрочемъ, не сходка, а сходки, такъ какъ, помимо большой кучки мужиковъ, направо, въ небольшомъ отдаленіи, стояла не меньшая кучка бабъ. Сбившись другъ къ другу, словно испуганное стадо овецъ, онѣ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ свѣтился ужасъ, глядѣли на своихъ мужей, братьевъ, отцовъ, деверей, зятьевъ, а изъ ихъ закорузлыхъ, опаленныхъ зноемъ ртовъ несся все тотъ же нудный, за душу хватающій вой.

— Ма-а-а-тушки сестрицы, роди-и-именькія, забира-а-а-ютъ!

И къ этому вою примѣшивался испуганный плачъ массы бѣлобрысыхъ ребятишекъ, трусливо ухватившихся за подолъ юбокъ своихъ мамокъ.

— Братцы, это—не порядокъ!—важно заявилъ волостной старшина, тучный, ражій и рыжій мужикъ, красный, потный, внушительно обдергивая свою цѣпь.—Мы, можно сказать, на дѣло огромаднѣйшее собрались, а тутъ, на-кось, бабы орутъ. Зачѣмъ вы, примѣрно, бабъ съ собой захватили?.. ась?

— Да кто ихъ захватывалъ, Лука Парѳенычъ? — послышался въ толпѣ раздраженный голосъ.—Нешто не понимаешь, сами прутъ. Мы ужъ ихъ и то урезонивали: «куды, дуры-овцы, бѣгете? Нешто бабамъ мѣсто на сходкѣ?». А вотъ глядь-кось съ ними.

— Бабочки!—началъ волостной старшина, подходя внушительной походкой къ бабьей командѣ.—Бабочки! и на кой, прости Господи, лядъ сбѣглись вы голосить тутъ? ась? Маршъ по домамъ!..

Въ эту секунду изъ толпы бабъ вырвалась красавица Настя, съ грудянымъ ребенкомъ на рукахъ... Ея блѣдное лицо подергивалось судорогами, а глаза, красивые синіе глаза метали искры скорби, гнѣва, злобы...

— На што собрались мы, спрашиваешь, Лука Парѳенычъ?.. Ахъ, роженый ты мой, бѣдный, недогадливый! Подумай: не понимаетъ, на што! Да какъ супруга моего, Ѳедю моего, на войну зовутъ, аль ужъ не имѣю я полного на то права про то услыхать?.. Ты, што-ль, благодѣтель, кормить меня съ сыномъ будешь? Можетъ, на цѣпочкѣ своей качать его станешь?.. А што-бъ тебя...—Она хотѣла еще что-то сказать, но вмѣсто словъ изъ ея груди вырвался скорбный крикъ: — Ѳедя мой, голубчикъ мой!.. На кого ты меня покида-а-а-ешь?

Этотъ страшный взрывъ отчаянія, словно еще больше подстегнулъ толпу бабъ. Она колыхнулась и теперь уже не стадомъ робкихъ, пугливыхъ овецъ, а разъяренной стаей озлобленныхъ волчицъ стала наступать на рыжаго волостного старшину, плача, крича, грозя кулаками, посылая проклятія.

— Аль очумѣли?..—отступалъ въ испугѣ волостной старшина.—Дуры вы, дуры: я причемъ-же въ этомъ дѣлѣ?.. Нешто я Ѳедьку твоего на войну тащу?.. Тьфу, тьфу! воистину — сорочья вы команда!

— Марья! Настюха! Дарья! аль обалдѣли взаправду? — неслись изъ толпы ласково-сердитые окрики мужиковъ-мужей.

И когда «сорочью команду» на минуту удалось усмирить, къ воздушной пѣснѣ жаворонка, къ немолчному стрекотанію кузнечиковъ примѣшался охриплый голосъ волостного старшины:

— Такъ вотъ, братцы... Пришла, значитъ, бумага — приказъ... Призывъ, значитъ... на войну идти, врага бить... И того, значитъ, этого... потому... Э, да што толковать: завтра въ городъ, въ присутствіе! Поняли?

Волостной писарь сталъ читать списокъ.

— «Иванъ Ѳоминъ, Вавило Романовъ, Ѳедоръ Безродный», — звучалъ его гнусавый голосъ въ наступившей мертвой тишинѣ.

И лишь только выкликалъ онъ новое имя, какъ въ мужской сходкѣ подымалась мозолистая рука, скидывала съ головы картузъ и осѣняла себя широкимъ, размашистымъ крестомъ.

И лишь только выкликалъ онъ новое имя, какъ въ бабьей сходкѣ раздавался подавленный крикъ, полный ужасной скорби.

Одно лишь солнце, это сверкающее, яркое солнце, казалось, было спокойно, равнодушно. Такъ-же, какъ и вчера, и третьяго дня, оно жгло, томило, бросало на всю эту взволнованную толпу свои жаркіе, отвѣсные лучи.

Когда спустился вечеръ, а потомъ — ночь, «Крутыя Ямы» огласились какими-то особенно залихватскими звуками гармоники и разудалыми выкриками не совсѣмъ цензурныхъ пѣсенъ. Большинство изъ призываемыхъ спѣшило въ винѣ заглушить ту ноющую тревогу, которая начала ужъ сосать ихъ сердце, все ширясь и разростаясь въ груди.

Не «гулялъ», пожалуй, одинъ только Ѳедоръ Безродный. Низко опустивъ голову, сидѣлъ онъ на лавкѣ въ своей убогой избѣ, стараясь не глядѣть на свою красавицу жену—Настю. Зато та, качая ногой люльку, не сводила съ его лица своего истомленнаго горемъ взора. Слезъ ужъ не было. Она всѣ ихъ выплакала въ этотъ страшный день. Осталась только одна свинцовая тяжесть, которая непомѣрно давила ее.

— Ты... Настя... Завтра, значитъ, туда, въ городъ не ходи, — нарушилъ тоскливое молчаніе Ѳедоръ.

— Отчего? — чуть слышно слетѣло съ ея побѣлѣвшихъ губъ.

— Да такъ, значитъ... Оттуда мы ужъ сюда не вернемся, прямо отправимся. Что-жъ сердце-то свое надрывать?.. Тутъ ужъ, дома, простимся.

И, когда онъ сказалъ это слово «простимся», онъ почувствовалъ такую смертельную тоску, что, не выдержавъ, громко застоналъ. Онъ вскочилъ съ лавки, подошелъ къ Настѣ и охватилъ ее руками, сотрясаясь отъ глухихъ рыданій.

— Эхъ, Настюха, Настюха, бѣдная ты моя! — вырывалось изъ его перехваченнаго горла.— Богъ видитъ, не о себѣ сокрушаюсь я. Не робкаго, не пужливаго я десятка, не боюсь я войны, супостата, пули вражеской. О тебѣ, ясынька, сердце мое скорбитъ. Какъ подумаю только, что останешься ты одна, безъ меня, что всякъ забидѣть тебя можетъ, что не у кого заступу найти тебѣ,—такъ ажъ все во мнѣ кровью обливается...

«Какъ любилась Катя съ парнемъ
Зачала его ласкать»...—

несся съ улицы чей-то рѣзкій, пьяный голосъ.

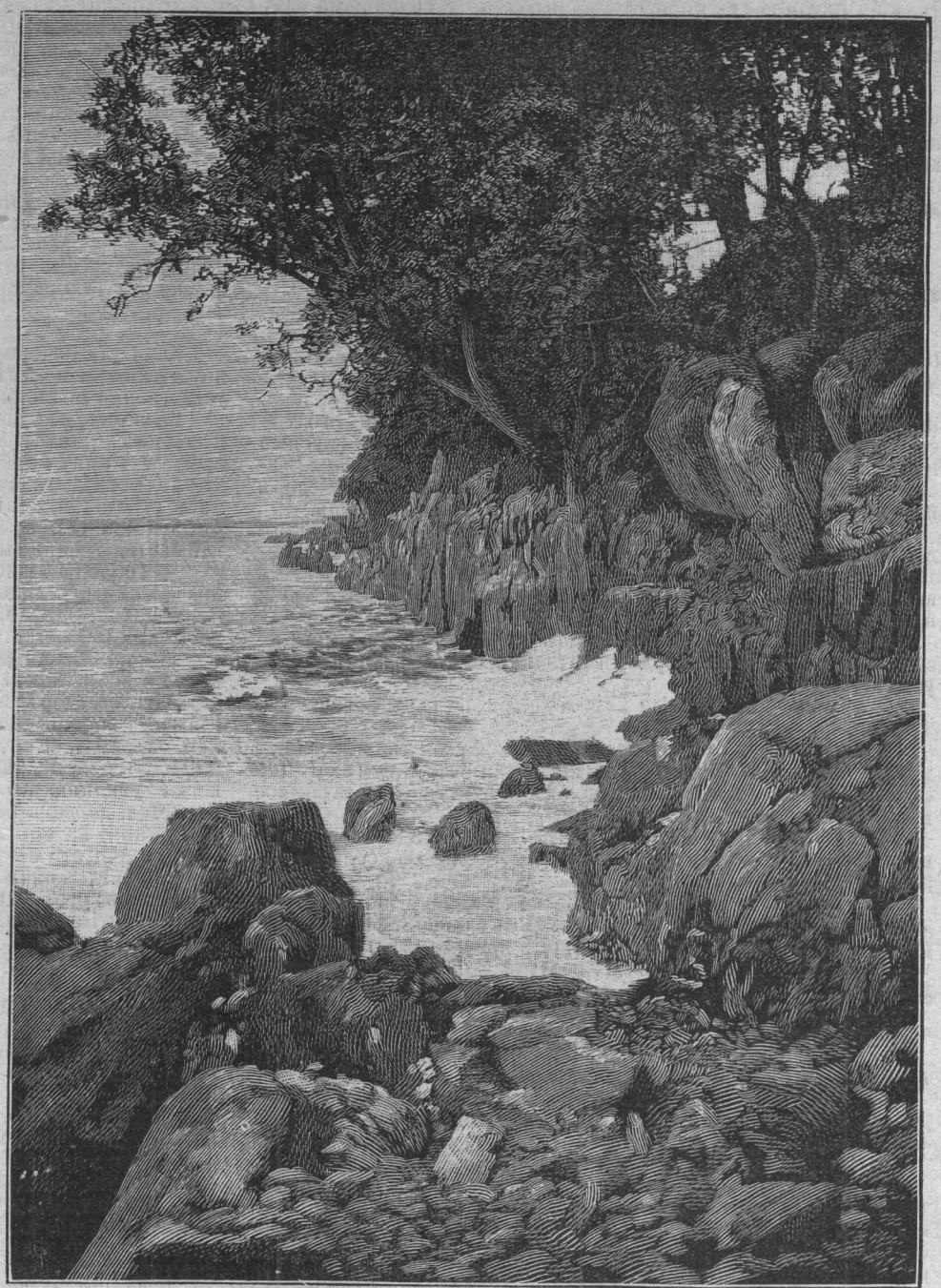
Задрожала красавица Настя. Этотъ взрывъ скорби у ея Ѳеди въ одну секунду пробудилъ въ ней чудную, любящую душу русской женщины съ ея самопожертвованіемъ, съ ея исконней привычкой «все стерпѣть для любимаго человѣка».

— Голубь мой, желанный мой...—затрепетала она, охватывая его могучую шею своими сильными, пышными руками.— Ты-то, Ѳедя, себя убереги, ты-то возвращайся живъ-невредимъ, а обо мнѣ не кручинься. Авось, Богъ поможетъ, проживу съ сынкомъ, свѣтъ не безъ добрыхъ людей. За что обижать меня будутъ?

И опять алмазныя слезы стали капать изъ ея глазъ, попадая на курчавые волосы ея желаннаго Ѳеди.

И такъ всю ночь они утѣшали другъ друга, полные безъисходной тоски, предаваясь чистымъ ласкамъ. Одну секунду мелькнуло у Ѳедора Безроднаго желаніе дурныхъ, пламенныхъ ласкъ «на прощаніе» его красавицы Насти. Но сейчасъ-же онъ отогналъ отъ себя это искушеніе.

«Грѣхъ, грѣхъ, предъ страшнымъ дѣломъ: я на смерть иду!» — пронизала его суровая мысль.



МОРСКОЙ БЕРЕГЪ. По фотографіи съ натуры.

Послѣднія слова Ѳедора Безроднаго Настѣ, въ скорбный мигъ прощанія, были слѣдующія:

— Помни-жъ, желанная: коли получишь ты отъ меня письмо-вѣсточку, значитъ, живъ я, невредимъ.

II.

Если-бы спросили Ѳедора Безроднаго, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ свои милыя «Крутыя Ямы» и свою дорогую «супружницу» Настю съ сыномъ, — онъ, навѣрно, затруднился-бы опредѣлить это. Пять, шесть или восемь мѣсяцевъ? Этого не зналъ Ѳедоръ Безродный. Въ лихорадочно-поспѣшной, разнообразной смѣнѣ мѣстъ, впечатлѣній,

подъ ужасный грохотъ военной канонады,—потонуло окончательно всякое представленіе о дняхъ, недѣляхъ, мѣсяцахъ.

Бѣдный, темный мужикъ изъ «Крутыхъ Ямъ» былъ окончательно подавленъ всѣмъ, что онъ видѣлъ, всѣмъ, что онъ слышалъ. Что-то страшное, жутко-новое, непонятное властно схватило его, подняло и швырнуло куда-то далеко-далеко отъ его родимаго села, отъ зеленаго лѣса, отъ нивы, пашни, луговъ, отъ серебристой рѣчки, отъ всего уклада его прежней жизни.

Сначала—этотъ длинный, длинный путь-переѣздъ. Онъ ѣхалъ и день, и два, и три, и пять, а потомъ—ужъ и счетъ потерялъ. День и ночь, ночь и день—въ душномъ вагонѣ, изъ дверей котораго онъ вмѣстѣ съ лошадиными мордами глядѣлъ на Божій свѣтъ широко раскрытыми, изумленными глазами. Мелькали верстовые столбы, мосты, рѣчки, горы, города, станціи. Все было такъ чудно, ново, страшно.

«Гдѣ-жъ эта самая война?»—проносилось въ его головѣ.

Въ вагонѣ-теплушкѣ, подъ постоянное взвизгиваніе гармоники и ревъ солдатскихъ пѣсенъ, его мысль неудержимо неслась туда, гдѣ онъ оставилъ самое дорогое для него, близкое, милое. Предъ нимъ съ поразительной ясностью вставалъ образъ его Насти, качающей ногой люльку съ его сыномъ, съ этимъ маленькимъ, крохотнымъ существомъ.

«Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ онъ пушки заряжалъ!..»—

гремѣло вокругъ Ѳедора Безроднаго.

Не слышитъ этой воинственной пѣсни Ѳедоръ Безродный.

«Какъ-то они тамъ, горемычные мои? Какъ нужду осилитъ Настюха? Откуда хлѣба возьметъ?»—мозжитъ его неотступная мысль.

А къ ней, какъ подлая змѣя, подползаетъ ужъ иная опаска. Знаетъ Ѳедоръ Безродный, что изъ-за красоты на его Настюху многіе по селу зубы свои подлые точатъ, зѣньки гнусные пялятъ. Взять хотя-бы лавочника, криворотаго Евстигнея Безсчастнаго. Прохода, вѣдь, бывало, не давалъ ей, пока Ѳедоръ не наломалъ ему бока. А теперь.., теперь беззащитна она.

— Эхъ, ты, кисляй, чего носъ повѣсилъ?—обступали его лихіе, разудалые солдаты.—Аль о бабѣ своей закручинился? такъ ты брось объ эфтомъ тосковать, бабъ у насъ будетъ вволю. Вотъ разобьемъ япошекъ, бабъ ихъ заберемъ и ва-а-а-жно повеселимся!

— Съ души сопретъ отъ бабъ ихнихъ... — невозмутимо-серьезно проговорилъ бравый солдатъ, сломавшій походъ на усмиреніе Китая.

Дружный, раскатистый хохотъ потрясъ стѣны вагона-теплушки...

Потомъ, когда Ѳедоръ Безродный попалъ въ настоящее мѣсто, «пекло» военныхъ дѣйствій, когда онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ ужасами войны, онъ почувствовалъ огромное нравственное облегченіе.

Теперь ужъ некогда было думать, теперь надо было исполнять грустно-великую, кроваво-искупительную солдатскую работу.

Онъ мерзъ, леденѣлъ въ ужасномъ холодѣ манчжурской зимы, въ этихъ промерзлыхъ земляныхъ окопахъ, жуя черствый сухарь «аржанова» хлѣба; онъ изнемогалъ, горѣлъ отъ ужаснаго зноя, сухого, горячаго воздуха этой полутропической мѣстности.

Надъ нимъ, незримо рѣя, вѣяла смерть своими кроваво-черными крыльями.

— Крр... крр... крр...—пѣли вороны, носясь надъ полями, вспоенными алой человѣческой кровью.

«У насъ тоже вороны»,—начиналъ было вспоминать Ѳедоръ Безродный, но нить этихъ дорогихъ ему воспоминаній сейчасъ-же пресѣкалась командой:

— Вразсыпную впередъ... ма-а-аршъ!

И онъ бѣжалъ и «колонной», и «вразсыпную», съ поразительнымъ спокойствіемъ подставляя свою сильную грудь подъ прицѣлъ вражескихъ пуль. Ни на одну минуту въ немъ не просыпался инстинктъ самосохраненія, животный ужасъ и страхъ смерти. Покорно, апатично, какъ-то совсѣмъ «бездумно» шелъ онъ въ самый адъ кровопролитныхъ сраженій.

И только его глаза—сѣрые, окруженные лентой чернаго порохового дыма, казалось, въ недоумѣніи смотрѣли на кровавые ужасы, происходившіе вокругъ него, и точно спрашивали: «За что хочу убить я и за что хотятъ убить меня? Зачѣмъ эти потоки крови.»

— Ваше благородіе!—обратился онъ послѣ одного изъ самыхъ жаркихъ боевъ къ симпатичному, совсѣмъ юному подпоручику.

— Что, голубчикъ?—ласково отвѣтилъ тотъ.

— Явите Божескую милость: напишите письмецо супругѣ моей... Такъ что, значитъ, обѣщался я ей...

— Давай, давай, братецъ, съ удовольствіемъ. Ну, что-же мы будемъ писать твоей молодухѣ? а?..

— А такъ, ваше благородіе, примѣрно...

Радость, сладостное чувство любви и огромной нѣжности задрожали въ истомленной груди Ѳедора Безроднаго, и онъ сталъ диктовать:

— Любезная, дорогая моя супруга Настастья Митревна и сынъ мой возлюбленный Иванъ, привелъ Господь мнѣ написать вамъ письмецо и, значитъ, живъ я и таковымъ впредь остаться полагаю, поелику люблю я васъ всѣмъ моимъ сердцемъ и душою. О тебѣ, желанная моя Настастья, только и думаю, какъ Господь тебѣ помогаетъ... Люби меня безпремѣнно, потому живъ я и здоровъ»...

— Нащупали!—гремитъ голосъ полковника.—Ишь, дьяволы, такъ и садятъ!..

— Ну, а адресъ, голубчикъ, какой?—спрашиваетъ подпоручикъ, чувствуя, какъ въ горлѣ у него что-то щекочетъ и что-то дрожитъ въ его груди.

Это «письмецо» его всколыхнуло. Вѣдь, у него тоже на родинѣ остались близкія, дорогія существа: мать, сестры, невѣста.

— А адресъ такой, ваше благородіе,—со счастливой улыбкой началъ Ѳедоръ Безродный:— Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда, Озминкинской волости, въ деревню «Крутыя Ямы», Настастьѣ Митревнѣ Безродной.

— Ай, берегись! снарядъ! — прозвучалъ чей-то дико-испуганный голосъ.

Ѳедоръ Безродный удивленно вскинулъ глазами. И въ эту минуту, когда онъ хотѣлъ обернуться, что-то со страшнымъ трескомъ разорвалось позади него и какой-то огромный, непонятный кусокъ ударилъ ему въ голову, отхвативъ ее совершенно отъ туловища...

III.

Если для Ѳедора Безроднаго дни, недѣли и мѣсяцы неслись неудержимо и незамѣтно, для Насти, наоборотъ, время ползло убійственно медленно.

Казалось, не будетъ конца этимъ долгимъ зимнимъ ночамъ и лѣтнимъ днямъ. Холодъ и зной, лютая нужда и борьба за свою «мужнину бабью честь», ничто, ничто ни на одну секунду не могло отвлечь ея скорбныя робко-пугливыя мысли о той страшной, невѣдомой странѣ, гдѣ льется кровь, гдѣ творятся такіе ужасы, отъ которыхъ леденѣетъ ея бѣдное сердце, гдѣ бьется теперь смертнымъ боемъ ея ненаглядный Ѳедоръ.

— Господи Милостивый,—шептала она, бывало, падая предъ темнымъ ликомъ образа,—неужто Ты не вернешь мнѣ Ѳедю мово?.. Сдѣлай, Царь Небесный, чудо ради горемычнаго младенца Ванюшки!

Жаркая, безхитростная молитва подкрѣпляла утѣшала ее, неся ей увѣренность въ томъ, что это чудо непремѣнно совершится, ея Ѳедоръ вернется. Радостный, счастливый перешагнетъ онъ порогъ этой избы и, перекрестившись, бросится къ ней, охватитъ ее своими сильными руками, а потомъ, оторвавшись отъ нея, подбѣжитъ къ Ванюхѣ! Какъ обрадуется онъ, когда увидитъ, что его Ванюха уже ходитъ!.. Да, да, Ѳедоръ вернется. Можетъ быть, съ Егоріемъ на солдатской шинели!.. А вдругъ — на костылѣ, безъ ноги?..

Сначала эта мысль пугала Настасью, но потомъ она примирилась и съ этимъ.

«Хошь безъ двухъ ногъ, только-бъ явился»,—думала красавица Настюха.

Каждый день въ «Крутыхъ Ямахъ» можно было наблюдать интересную картину. Всѣ сельскія бабы, составивъ «сорочью команду», скопомъ, сходкой направлялись къ чайной лавкѣ—трактиру. Онѣ располагались около него, съ замираньемъ сердца ожидая того момента, когда большой грамотей села, длинный Карпъ Ѳедулычъ, выйдетъ къ нимъ и начнетъ ихъ знакомить съ тѣмъ, что «про войну эту самую въ вѣдомостяхъ пишутъ».

И, лишь только, бывало, показывался онъ въ дверяхъ, удивительная тишина воцарялась въ сорочьей командѣ.

— Вотъ что, бабочки... Пишутъ, значитъ, бой огромадный опять былъ...—начиналъ Карпъ Ѳедулычъ.

Слушаетъ съ другими бабами Настя чудныя, мудрыя описанія сраженій, а... ни одного слова не понимаетъ... Изъ всего этого одно только схватываетъ она: столько-то убито. Это она понимаетъ и это приводитъ ее въ ужасъ.

И вдругъ, когда она совсѣмъ ужъ истомилась своимъ трепетно-боязливымъ ожиданіемъ, она получила письмо! При видѣ его, съ ней произошло нѣчто поразительное—ноги ея затряслись, въ груди словно что забилось, захолонуло и изъ нея вырвался крикъ, страшный, необычайный крикъ:

— Голубь мой, желанный мой... Ѳедя!

Ее всю колотило и она не могла никакъ взять письмо въ руки.

— Чего ты, дура, дура?..—удивленно воззрился на нее десятскій.—Ахъ, шалый народъ вы, бабы! Радоваться, значитъ, должна, потому—какъ письмо, такъ живъ твой Ѳедоръ.

Живъ! Ея «голубь» живъ! Смѣясь и плача, плача и смѣясь, вся сотрясаясь отъ счастливыхъ рыданій, нелѣпо махая руками, бросаясь изъ стороны въ сторону, слушала она, какъ ей читали письмо.

— «Жди меня безпремѣнно, потому живъ я и здоровъ».

И, когда она, наконецъ, все поняла, ее охватила такая

страшная радость, что она опрометью бросилась изъ избы и, какъ полоумная, побѣжала по селу. Вмѣстить все это счастье только въ одной своей груди она не могла—грудь не выдержитъ, разорвется. Надо вылить эту радость на людяхъ, на міру.

И Настя, вбѣгая въ каждую избу, прерывистымъ голосомъ уже съ порога кричала:

— Мой-то... мой-то... Ѳедоръ живъ!..

— Очумѣла совсѣмъ баба!—качая головой, ласково шепталъ десятскій, глядя, какъ Настя перебѣгала изъ избы въ избу.

Прошло дня три.

— Въ волостное правленіе, за получкой пособія!—прокатился по селу приказъ.

Длинной вереницей, гуськомъ потянулись бабы въ правленіе. Онѣ шли туда понурыя, робкія, страшась услышать что-либо роковое, зловѣщее о судьбѣ своихъ кормильцевъ.

Одна лишь Настя шла туда веселая, счастливая, посылая радостныя улыбки весело сверкавшему солнцу, темному лѣсу, серебристой рѣчкѣ. Все въ ней пѣло, ликовало, и она теперь утѣшала другихъ бабъ.

— Не горюй, Варварушка, твой, какъ и мой Ѳедя, безпремѣнно вернется...

Нѣкоторыя благодарно принимали ея утѣшеніе, другія-же злобно, ожесточенно, въ мучительной зависти бросали ей:

— Ишь, разыгралась! Тебѣ-то хорошо лясы точить, потому живъ твой Ѳедоръ. У-у, штобъ тебя!..

Стадомъ овецъ столпились онѣ въ волостномъ правленіи. На большомъ столѣ, крытомъ зеленымъ сукномъ, лежали какіе-то бумаги, списки, вѣдомости.

— Марья Ѳомина,—раздался голосъ въ наступившей тишинѣ.

Къ столу робко подошла худая баба.

— Получай!

— А дозвольте спросить: мой-то живъ?..—еле слышно проговорила баба.

— Живъ. Дарья Романова! Получай. Что? что спрашиваешь? говори громче! живъ-ли? живъ, живъ твой Вавило. Настасья Безродная!

Смѣло, весело подошла къ столу Настя, держа въ рукѣ письмо, съ которымъ она ни днемъ, ни ночью не разставалась.

— Ну, а тебѣ, Настасья, получить пособіе сейчасъ не придется...—обратился къ ней волостной старшина.

— А почему, Лука Парѳенычъ?—смущенно спросила она.

— Да потому, горемычная, что супругъ твой, Ѳедоръ Безродный, убитъ.

— Што?!—дико вскрикнула Настя.

Ее шатнуло назадъ съ такой силой, словно обухомъ по груди дали. Въ ушахъ зазвенѣло, въ глазахъ замелькали красные, синіе, желтые круги. Потомъ она выпрямилась и сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

— Того... того быть не можетъ...—вылетѣло изъ ея побѣлѣвшихъ губъ.

— На все воля Господня...—смущенно пробормоталъ волостной старшина.

— А я говорю, быть того не можетъ!—уже выкрикнула теперь Настя.

Лицо ея было страшно. Глаза горѣли какимъ-то нестерпимымъ блескомъ.

— То есть, какъ-же это, примѣрно, быть того не можетъ, коли онъ убитъ?—удивленно уставился на нее старшина, глупо хлопая круглыми глазами.

— А такъ, значитъ... Когды Ѳедоръ уѣзжалъ, онъ сказалъ: коли, значитъ, получишь отъ меня письмо, такъ и знай—живъ я... А вотъ, гляди, онъ и прислалъ письмо. Прочитай, что въ немъ прописано: «жди меня безпремѣнно—потому живъ я и здоровъ». Понялъ? что-жъ ты меня морочишь, пужаешь, примѣрно, къ чему?..

Въ головѣ Насти послышалась злоба.

— Ахъ, глупая, глупая ты баба!—развелъ руками старшина.—Неужто того въ толкъ взять не можешь, что получила ты эфто письмо, значитъ, ужъ отъ мертваго, въ родѣ-бы, примѣрно сказать, какъ съ того свѣта?

— Отъ мертваго... съ того свѣта...

Настя дико поглядѣла вокругъ себя; взоръ ея былъ мутенъ, безсмысленъ, страшенъ.

Ужасный, душу леденящій крикъ огласилъ душную комнату правленія. Порывисто, стремглавъ бросилась Настя изъ него и скоро-скоро побѣжала по улицѣ.

Ее нагнали у верстового столба. Когда ее хотѣли взять, она начала хохотать, кусаться. Съ трудомъ связали ее полотенцами и отвели въ ея избу. Черезъ три дня красавицу Настю отвезли въ сумасшедшій домъ. Доктора нашли сумасшествіе въ буйно-острой формѣ.

Плача, смѣясь, кусаясь, она кричала только одно:

— Отъ мертваго! съ того свѣта!

КОНЕЦЪ.

Изъ дневника.

Ахъ, не все-то горюшко
Грустное, тяжелое,
Вѣрь, настанетъ долюшка
Свѣтлая, веселая...

* *
*

Вѣдь, не все-жъ надъ хатами
Злой кручинѣ вѣяться,
Наравнѣ съ богатыми
Можно жить, надѣяться!

* *
*

Только-бъ дали выпрямить
Груди намъ могучія,
Въ пѣсняхъ вволю выплакать
Слезы сердца жгучія!..

Вл. Щуренковъ.

СЧАСТЬЕ.

Этюдъ Арк. Ал—ва.

Въ окна безъ умолку барабанилъ подлѣйшій осенній дождь, по небу бѣжали сѣрыя, разорванныя облака, березы нагибались въ разныя стороны и грозили кому-то голыми вѣтками, на дворѣ меланхоличнымъ тенорькомъ подвывала озябшая дворняга... Всюду было мокро, хмуро, жутко... А Николай Петровичъ Рыбинъ, смирный мужчина лѣтъ 35-ти, съ ласковыми, безцвѣтными глазками и остатками бороды подъ нижней губой, расхаживалъ по комнатамъ веселыми, бодрыми шагами и ликовалъ... По лицу его плавало то счастливо-глупое выраженіе, которое бываетъ у новобрачныхъ или у выигравшихъ двѣсти тысячъ...

— Фу, чертъ возьми!..—бормоталъ онъ:—свалится-же эдакая благодать!.. Сразу точно въ нирвану, въ нарзанъ исцѣляющій окунулся!.. Во всѣхъ жилахъ эдакое что-то замирающее... Думалъ—совсѣмъ погибъ, послѣдній вздохъ испустить приготовлялся... и вдругъ!..

Сегодняшней ночью у Рыбина исчезла жена, Софья Павловна, пикантная, хорошенькая бабенка, подвижная, какъ ртуть, интригантка и соблазнительница до безобразія... исчезла такъ-же быстро и незамѣтно, какъ исчезаетъ носовой платокъ въ рукахъ опытнаго престидижитатора, оставивъ послѣ себя лишь измятую постель, запахъ фіалокъ и крохотную записочку слѣдующаго содержанія:

«Прощай, Николай! Прости твою взбалмошную жену. Я ухожу и, вѣроятно, навсегда. Не ищи меня—все равно, ничего не разыщешь. Ключъ отъ буфета на моемъ столѣ. Мнѣ очень жаль тебя, но что-жъ дѣлать?.. Твоя Соня».

— Огорченъ! Обиженъ!..—хохоталъ Рыбинъ:—ушла и думаетъ: лежитъ, молъ, онъ теперь въ помраченіи чувствъ и помышляетъ о самоубійствѣ съ горя... Жизнь, молъ, человѣческую разбила и... все такое... О, женщины, женщины!.. А я...—Рыбинъ поглядѣлъ на иконы, — не знаю, какъ небо возблагодарить! Сразу душевное равновѣсіе, покой и самочувствіе пріобрѣлъ. Да-съ!.. Эдакую, можно сказать, пилу, инквизитора, эдакую африканку пылкую съ рукъ сбылъ...

Рыбинъ увлекся бѣдовой женщиной лѣтъ семь тому назадъ и, понятно, женился. Спустя мѣсяцъ послѣ свадьбы, Софья Павловна уже раскусила его и для перваго раза ласково назвала слякотью. Затѣмъ подобныя-же названія посыпались дюжинами, съ краснорѣчивѣйшими жестами, сверкающими глазами и проч. Далѣе слѣдовали любительскіе спектакли, живыя картины, въ которыхъ Рыбина изображала то Діану,

УПРЯМЫЕ ДРУЗЬЯ. Съ картины **И. Г. Рашевскаго** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.

ПРЕЛЮДІЯ ВЕЧЕРА. Съ картины **Н. А. Сергѣева** гравир. для „Родины“ **П. Юревичъ**.

то Амура, то еще какую-нибудь гадость. Мужчины липли около пикантной дамочки десятками. Ѣздили на лошадяхъ, на лодкахъ, сочиняли экскурсіи на лыжахъ, затѣвали подозрительныя рыбныя ловли парочками... Чертъ знаетъ, чего не выдумывала коварная женщина!..

А Николай Петровичъ сидѣлъ дома и вялъ. Друзья предлагали ему дуэли, намекали на разводъ вообще говорили сотни разныхъ доброжелательныхъ глупостей. И вдругъ — все кончено! Нѣтъ больше жены... Тю-тю!..

«Только-бы не вернулась»,—опасливо поглядывалъ Рыбинъ на длинную, грязную дорогу. —Собственно говоря, женщина она, тово, премиленькая, это отнять нельзя... молодость, грація и все прочее... Но характерище — чертовъ!.. Однако, позвольте!.. Кто-же это сюда ѣдетъ?..»

Издали приближалась коляска съ поднятымъ верхомъ Кучеръ, скрючившись на козлахъ, немилосердно настегивалъ. торопящуюся лошаденку.

«Неужели она?» — поблѣднѣлъ Николай Петровичъ, впиваясь пытливымъ взглядомъ въ коляску.

Прошло пять минутъ, и лошадь остановилась. Изъ коляски вылѣзла худощавая, блѣдная дама въ черномъ и направилась къ дому. Николай Петровичъ вглядѣлся пристальнѣе и узналъ жену бухгалтера Бокова, Дарью Семеновну.

— Что за чертъ!..— поморщился Рыбинъ:—чего нужно отъ меня этой выдрѣ?..

Спустя минуту, онъ, однако, учтиво и ласково вводилъ прибывшую въ гостиную. На лицѣ у него было выраженіе отборни и благоговѣнія, точно онъ несъ дорогую, хрупкую вазу.

— Я только на минуту, на минуту,—говорила гостья слабымъ голосомъ,—я не задержу васъ...

Вблизи она была вовсе неинтересна. Гладкое черное платье обтягивало столь-же гладкую, плоскую фигуру. Дарьѣ Семеновнѣ было около сорока лѣтъ. Тонкій носъ, съ замѣтными усами, былъ красенъ и влаженъ... Выпуклые глаза прикрывали длинныя, ежеминутно захлопывающіяся вѣки, а изо рта, при разговорѣ, выглядывали некрасивыя, бѣлыя десны.

«Однако, фруктъ!..— мелькнуло у Рыбина: — не понимаю, гдѣ были глаза у этого чудака Бокова?..»

— Вы чѣмъ-то удручены, Дарья Семеновна? — спросилъ онъ, когда гостья усѣлась въ кресло и высморкалась.

— Не спрашивайте! — махнула рукой бухгалтерша и сдѣлала похоронную физіономію, — не спрашивайте! Ничто въ свѣтѣ не можетъ сравниться съ моимъ колоссальнымъ горемъ, ничто!.. Нужны титаническія усилія, чтобы уцѣлѣть послѣ подобнаго напряженія... Но,—Бокова отерла слезы,—Богъ дастъ мнѣ силъ и я справлюсь...—Затѣмъ она оглянулась по сторонамъ и понизила голосъ:—я... я ушла отъ мужа, Николай Петровичъ!..

— Ушли?!.

— Ушла. И навсегда... Расчеты наши покончены. Наши житейскія дороги разошлись...

— Онъ оскорбилъ васъ?..—озабоченно спросилъ Рыбинъ.

Бокова опустила красныя вѣки и откинулась на спинку кресла.

— О, эти дни! эти дни!.. Я чувствовала повременамъ, что не выдержу и испущу духъ... Я вся замирала и только гдѣ-то въ глубинѣ моего тѣла еще трепетала жизненная искра. Это ужасно!.. Послѣ цѣлаго ряда упрековъ, онъ, этотъ извергъ, назвалъ меня... назвалъ муміей!..

Рыбинъ сдѣлалъ испуганное лицо.

— Онъ такъ и сказалъ?..

— Да... Что-жъ мнѣ оставалось дѣлать? Я собралась и уѣхала... Тамъ, въ колескѣ, мои вещи. Я ѣду къ сестрѣ. А послѣ, вѣроятно, уйду въ монастырь коротать свои поруганные, но безупречные дни... Вы меня понимаете?..

— О, да, конечно!..

— И я уѣхала, — продолжала печальная женщина. — Эти десять верстъ я летѣла, какъ птица, вольная, безмятежная птица... По дорогѣ я вспомнила, что у меня есть друзья, и я заѣхала проститься съ вами и Софьей Павловной... Гдѣ-же она, кстати?..

Николай Петровичъ нервно задвигался и нахмурилъ брови.

«Говорить или не говорить?.. — мелькнуло у него въ головѣ,—Пусть, впрочемъ, знаетъ! Скажу. Разыграю обиженнаго, поруганнаго мужа. Съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и женщинами надо быть осторожнымъ»...

— Я покинутъ, Дарья Семеновна!.. — объявилъ онъ гробовымъ голосомъ: — сегодня ночью жена промѣняла меня на какого-то шарлатана!..

— Бѣдный, бѣдный!.. — покачала головою гостья,—въ какомъ вы ужасномъ положеніи!.. Ай-ай-ай!.. это—цѣлая трагедія!.. Впрочемъ—что-жъ? Я этого ожидала... Это было вполнѣ понятно, мой другъ...—И она посмотрѣла заботливымъ, влажнымъ взоромъ на Рыбина. — Вы скучаете о ней?.. объ этой бѣглянкѣ?..

— Гм... какъ вамъ сказать...

— Конечно, скучаете!.. Это видно безъ словъ. Я понимаю ваше рыцарское сердце... О, если-бы обо мнѣ скучалъ такъ этотъ... бухгалтеръ!.. Мнѣ жаль васъ, добрый другъ... Жаль любвеобильное сердце... Она не стоитъ вашего сожалѣнія... Повѣрьте мнѣ!..

— Вы думаете?

— Я убѣждена. Она третировала васъ. Слышите: тре-тировала... и вообще вела себя, какъ куртизанка. Вы простите меня, что я такъ говорю... Вамъ, тихому, жаждущему семейнаго очага, нужно было тихое, отзывчивое сердце... О, я такъ понимаю васъ!..

Подали чай. Гостья неторопливо выпила двѣ чашки и не думала уѣзжать. Она, видимо, успокоилась и даже, поглядывая на Рыбина, начала кокетливо прищуривать красныя вѣки.

«Чего она ломается?—думалъ онъ, — терпѣть не могу старыхъ кокетливыхъ дуръ»...

— Пройдетъ еще нѣсколько времени, Nicolas, и мы разстанемся,—задумчиво говорила Бокова, полулежа въ креслѣ и помахивая платкомъ, отъ котораго нестерпимо несло пачулями: — вы останетесь для мірской жизни, я-же буду коротать вѣкъ въ темной кельѣ... Но мы сродны другъ другу... Не правда-ли, мой рыцарь? Насъ соединило общее горе... Мнѣ не жаль того толстаго человѣка, потому что онъ грубъ и неправъ, но васъ мнѣ жаль, потому что вы нѣжны и вы правы... И затѣмъ—вы страдаете... А призваніе женщины—придти на помощь во-время...

«Куда она гнетъ?» — съ испугомъ думалъ Рыбинъ и ворочался на стулѣ, какъ поджариваемый карась, моргая непонимающими глазами.

За окномъ сгущался вечерній сумракъ; предметы теряли рѣзкія очертанія. Голосъ гостьи, размѣстившейся въ креслѣ, какъ дома, томно звучалъ въ полумракѣ.

— Вы, мой другъ, вѣрите въ женщинъ?—вдругъ спросила Дарья Семеновна.

— Гм... Мнѣ кажется...

— О, вѣрьте, милый Nicolas! Не всѣ такъ мелки и ничтожны... Есть глубокія, г-л-у-бокія натуры. Такимъ можно довѣриться... Вы жаждете жизни, мой милый, и легко снова можете впасть въ ошибку... Однако, позвольте: зачѣмъ вы дергаете меня за рукавъ?

— Я?! Боже сохрани! Что вы!—испугался Рыбинъ.

— Не оправдывайтесь! Я чувствовала сейчасъ прикосновенье вашей руки... И къ чему скрываться? Зачѣмъ насиловать чувство? Я сама протяну вамъ руку для поцѣлуя... Вотъ она... Цѣлуйте!

«Чертъ знаетъ, что такое! — подумалъ Рыбинъ, — мерзкая женщина что-то замышляетъ»...

Но отказаться отъ поцѣлуя было неделикатно. Хозяинъ быстро наклонился и приложился къ жилистой, пахнущей пачулями рукѣ.

— Я не понимаю, — заговорила вдругъ страстнымъ шепотомъ бухгалтерша, — не понимаю, зачѣмъ скрываться? Если ты, Nicolas, остановилъ на мнѣ свой выборъ... зачѣмъ не сказать прямо: будь моею...

Рыбинъ вдругъ почувствовалъ, что его замораживаютъ... Вдоль спины и по поясницѣ забѣгали какіе-то колючіе пауки, забираясь подъ мышки, въ пятки, во всѣ щекотливыя, чувствительныя мѣста... Онъ попробовалъ говорить—и не могъ: вмѣсто языка во рту безпомощно барахталось что-то распухшее и неопредѣленное...

А Дарья Семеновна тихонько засмѣялась и потрепала его по щекѣ.

— Милый... Какъ онъ обрадовался! Ну, хорошо, хорошо, я сдѣлаю по-твоему, мой славный мальчикъ!.. Я... я остаюсь у тебя, Nicolas... Поди, распорядись, чтобы вносили сюда мои вещи... Я остаюсь...

КОНЕЦЪ.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

СЛУШАТЬ это Николаю Сергѣевичу сдѣлалось уже скучно.

— Какъ вы много говорите, какъ вы много говорите! — съ сожалѣніемъ покачавъ головой, сказалъ онъ. — И вы не говорите главнаго. На комъ-же вы задумали жениться?

— На Юліи Алексѣевнѣ Натаровой, — проговорилъ Иванъ Петровичъ и покраснѣлъ.

— На Натаровой?.. ахъ, да, слышалъ!—проговорилъ Николай Сергѣевичъ, припоминая клубные разговоры. — Да, да, слышалъ. — Лицо его вдругъ сдѣлалось чрезвычайно серьезнымъ. —Да, да, — повторилъ онъ, — слышалъ! Объ этомъ много говорили въ городѣ.

— Говорили въ городѣ? — удивился Иванъ Петровичъ.—Странно! Не ошибаетесь-ли вы?

— Почему?

— Потому что я ни одной живой душѣ не сообщалъ о своемъ намѣреніи.

— Ну, батюшка, здѣсь всѣ и все знаютъ и безъ всякихъ сообщеній. Здѣсь люди наблюдательные... И при первомъ-же слухѣ объ этомъ я рѣшилъ, что не разрѣшу вамъ этого брака.

Иванъ Петровичъ вспыхнулъ.

— Почему?—вызывающимъ тономъ спросилъ онъ.

— Не могу разрѣшить,—пожавъ плечами, повторилъ Николай Сергѣевичъ. — Послушайте, — мягко обратился онъ къ Ивану Петровичу. — Вѣдь, это — вашъ батюшка, генералъ Кедринскій, въ Петербургѣ членъ совѣта?

— Мой,—съ недоумѣніемъ отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Отчего вы служите здѣсь, а не тамъ? Вы въ ссорѣ?

— У насъ холодныя отношенія. Формальной ссоры нѣтъ. Батюшка требовалъ, чтобы я служилъ въ гвардіи. Онъ составилъ для меня подробный планъ жизни: служба въ гвардіи, потомъ академія, а послѣ академіи женитьба на одной богатой дѣвицѣ. Я не признаю такихъ плановъ жизни и предпочитаю жить безъ плана, но по-своему. Служба въ гвардіи—свѣтская и показная —меня никогда не тянула къ себѣ. И жизнь въ Петербургѣ мнѣ не нравилась. Я хотѣлъ служить въ провинціи. Мнѣ казалось, что тутъ жизнь серьезнѣе и дѣло—живѣе. Но причемъ-же во всемъ этомъ мой отецъ?

— Нѣтъ такъ... Я хотѣлъ только спросить. Но этого брака я вамъ не разрѣшу.

Николай Сергѣевичъ обошелъ столъ, сѣлъ въ кресло противъ Ивана Петровича и, положивъ руку ему на колѣно, сталъ отечески его уговаривать:

— Послушайте, Кедринскій, вы —человѣкъ молодой, независимый по своимъ семейнымъ связямъ, отличный офицеръ, серьезный человѣкъ, хорошей семьи...

Иванъ Петровичъ нахмурился.

— Зачѣмъ вамъ идти на это? Зачѣмъ ломать жизнь и связывать себя по рукамъ и ногамъ въ молодыхъ годахъ? Вы говорите, что любите. Ну, и прекрасно, любите; это никто вамъ запретить не можетъ... даже самъ начальникъ дивизіи,— пошутилъ онъ.—Но зачѣмъ-же непремѣнно бракъ?

— Полковникъ!—вскрикнулъ Иванъ Петровичъ.—Вы дѣлаете мнѣ больно своими словами. Натарова—не такая дѣвушка, какъ вы, можетъ быть, предполагаете. Я не знаю, по какому праву...

Николай Сергѣевичъ отнялъ руку отъ его колѣна.

— Я ничего не предполагаю,—строго сказалъ онъ Ивану Петровичу. — Я только говорю: перетерпите. Ну, любите годъ—два, присмотритесь къ ней и къ себѣ, и къ вашему обоюдному чувству. А потомъ, исподволь, рѣшайтесь. А то вдругъ, сразу...

— Напротивъ, я уже годъ объ этомъ думаю.

— Перетерпите. Знаете что? Я вамъ дамъ отпускъ. Хотите уѣхать въ отпускъ—на два мѣсяца? Вы поѣдете въ Петербургъ, разсѣетесь, развлечетесь. Въ нашей дырѣ молодые люди шалѣютъ. Необходимо освѣжаться отъ времени до времени. Вы пріѣдете обновленнымъ...

— Я не прошу отпуска, — сухо сказалъ Иванъ Петровичъ.—Я прошу разрѣшенія на бракъ.

— Повѣрьте мнѣ,—продолжалъ Николай Сергѣевичъ, — откажитесь отъ этой мысли. Уѣзжайте. Но, если вы не хотите уѣхать добровольно, я дамъ тогда вамъ казенную командировку и вы должны будете уѣхать.

— Я не приму казенной командировки, — твердо сказалъ Иванъ Петровичъ.

Теперь Николай Сергѣевичъ нахмурился.

— Какъ это?—сухо проговорилъ онъ.—Я не буду спрашивать о вашемъ желаніи или нежеланіи. Я просто дамъ предписаніе.

— Я выйду въ отставку.

— Господи! — всплеснулъ руками Николай Сергѣевичъ,—неужели вы сдѣлаете эту глупость?

— Сдѣлаю.

— Но послушайте! Вѣдь, вы говорите, что вы не въ ладахъ съ отцомъ. Узнавъ о вашемъ возмутительномъ шагѣ, онъ перестанетъ вамъ давать средства къ жизни...

— Онъ и теперь мнѣ ничего не даетъ. Вѣрнѣе, я самъ отказался отъ его помощи.

— Но позвольте! Тогда чѣмъ-же вы будете жить въ отставкѣ?

— Я поступлю на частную службу.

Иванъ Петровичъ всталъ со стула.

— Господинъ полковникъ, — началъ онъ оффиціальнымъ тономъ, — могу я у васъ спросить мотивы къ этому отказу?

— Я не обязанъ ихъ говорить. Но... вамъ я, пожалуй, готовъ это сказать.

— Пожалуйста, прошу васъ.

— Съ однимъ, однако-же, непремѣннымъ условіемъ, Кедринскій, что вы выслушаете меня спокойно.

— Но я не думаю, чтобы вы мнѣ могли сказать что-либо возмутительное, — запротестовалъ Иванъ Петровичъ, чувствуя себя совершенно разбитымъ.

— Слушайте. Въ обязанности командира части входитъ слѣдить за благопристойностью заключенія офицерскихъ браковъ.

— Полковникъ! — возмущеннымъ голосомъ проговорилъ Иванъ Петровичъ.

— Слушайте-же дальше. Лично противъ г-жи Натаровой, въ принципѣ, я ничего не имѣю...

— Но тогда противъ чего-же?

— Но она — дѣвушка не нашего общества... И потомъ ея профессія массажистки. Почтенная, почтенная, можетъ быть, профессія, — поспѣшилъ онъ прибавить, предупреждая возраженіе Кедринскаго,— но, согласитесь сами, профессія весьма непопулярная въ этой глуши... подающая поводъ къ неудобнымъ остротамъ и неудобнымъ положеніямъ. Она броситъ эту профессію, если выйдетъ за васъ замужъ?

— Нѣтъ,—твердо сказалъ Иванъ Петровичъ.—Она дорожитъ и гордится ею. Она гордится тѣмъ, что имѣетъ свой вѣрный кусокъ хлѣба и что она достигла этого обезпеченія, самостоятельнаго положенія своимъ личнымъ трудомъ, что она не будетъ обременять мужа своей особой и что внесетъ въ общее хозяйство свою часть. Такихъ женщинъ не много.

— Ну, вотъ видите. Все это такъ, я не спорю! Но все это не годится для офицера. Представьте, вашъ товарищъ сломаетъ себѣ ногу и потребуетъ вашу жену въ качествѣ массажистки. Она у насъ здѣсь одна пока съ этой профессіей. Удобно-ли это? Пойдутъ шутки, смѣшки, остроты! Вы встанете въ крайне фальшивое положеніе. Но... допустимъ. Есть еще другое обстоятельство. Она—дочь здѣшней портнихи, и...

— И?

— И притомъ незаконная дочь. Согласитесь, милый Кедринскій, это... это — все не офицерское общество! Вашу жену, получающую плату за свой трудъ и принимаемую въ дома, какъ массажистку, не станутъ принимать, какъ равную себѣ. Провинціальное общество въ этомъ отношеніи суровѣе столичнаго. Здѣсь свои взгляды, законы, принципы и предразсудки. Я увѣренъ, что Елена Ѳедоровна, напримѣръ, которая шьетъ себѣ платья у Никольской, матери Натаровой, не станетъ принимать васъ въ своемъ домѣ съ женой.

„Плевать я хочу на твою Елену Ѳедоровну!—возмущенно подумалъ Иванъ Петровичъ,—принимаютъ-же ее даже у губернаторши, чванной барыни, несмотря на то, что... что у нея романъ съ тобою“...

— Но...—громко сказалъ онъ.

— Ничего не но. Это такъ,—продолжалъ Николай Сергѣевичъ,—и вы будете поставлены въ самое ужасное положеніе. И потому еще—я не знаю, какъ взглянетъ на этотъ бракъ вашъ батюшка.

— Вы не обязаны руководствоваться его взглядомъ.

— Знаю-съ, отлично знаю-съ. Но я не хочу, чтобы генералъ Кедринскій имѣлъ поводъ и основаніе обвинить меня въ легкомысленномъ и опрометчивомъ разрѣшеніи этого брака.

— Я—человѣкъ самостоятельный, не ребенокъ и отъ отца не завишу. Если я не справляюсь съ его желаніемъ и мыслями, то и вамъ нѣтъ никакого основанія...

— Не учите меня, Кедринскій. Я имѣю право разрѣшать и не разрѣшать офицерскихъ браковъ. И я этого брака не разрѣшаю.

— Очень жалѣю, — холодно проговорилъ Иванъ Петровичъ,—очень жалѣю. Въ такомъ случаѣ мнѣ остается выйти въ отставку.

— И вы себя погубите.

— Не думаю. Мнѣ уже обѣщали мѣсто.

— Да что-же такое частное мѣсто? Помилуйте! Сегодня оно есть, завтра его нѣтъ. И положеніе не то. Вы — офицеръ, вы могли-бы хорошо пойти по службѣ, могли-бы пойти въ академію, чины, ордена и прочее... Зачѣмъ изъ-за увлеченія сразу ломать себѣ жизнь? Гм?

— Это—не увлеченіе, полковникъ, а серьезное, глубокое чувство.

— Допустимъ. Но зачѣмъ изъ-за серьезнаго, глубокаго чувства ломать себѣ жизнь?

„Ты безнадеженъ“,—подумалъ Иванъ Петровичъ.

— Я завтра подамъ прошеніе объ отставкѣ,—сказалъ онъ.—Позвольте надѣяться, что вы его не задержите и немедленно дадите ему ходъ?

— Мнѣ очень, очень жаль васъ, Кедринскій,—раздумчиво проговорилъ Николай Сергѣевичъ. — Знаете что?—вдругъ, точно найдя выходъ, живо проговорилъ онъ.—Ступайте-ка къ корпусному командиру и позондируйте почву. Ежели, напримѣръ, онъ ничего не будетъ имѣть противъ этого брака въ принципѣ, я, пожалуй, подумаю. Не предрѣшайте ничего пока. Вы даже можете сказать, что пришли отъ моего имени, что я желаю знать его мнѣніе...

Кедринскій подумалъ.

Какъ ни твердо было его рѣшеніе, во что-бы то ни стало, въ случаѣ отказа въ разрѣшеніи, которое онъ предполагалъ, выйти въ отставку и жениться свободнымъ человѣкомъ, ему становилось какъ-то жутко при мысли сдѣлать этотъ безповоротный и рѣшительный шагъ.

Онъ ухватился за идею, поданную ему Николаемъ Сергѣевичемъ, и сказалъ:

— Слушаю-съ, я сдѣлаю эту послѣднюю попытку. Но какъ посмотритъ на это начальникъ дивизіи?

— Ахъ, Боже мой, сдѣлайте это умненько. Я нарочно хочу обойти его, потому что генералъ Обровскій никогда не разрѣшилъ-бы этого брака. Онъ—вообще врагъ раннихъ офицерскихъ браковъ, а такихъ—въ особенности. А когда у насъ будетъ принципіальное согласіе командира корпуса — ну, тогда его мнѣніе намъ не важно.

— Слушаю-съ. Такъ я отправлюсь.

— Да, это самое лучшее. И сейчасъ-же. Вы застанете генерала дома.

Кедринскій откланялся и ушелъ.

— Развѣ вы у насъ не завтракаете? — встрѣтивъ его въ гостиной, спросила Капитолина Петровна.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Николай Сергѣевичъ далъ мнѣ порученіе.

— Ахъ, Nicolas, это—такой службистъ и вѣчно все дѣлаетъ не во-время. Могъ-бы дать молодому человѣку время позавтракать.

Она засмѣялась и сдѣлала томные глазки.

Когда-то она была недурна собой и въ овалѣ ея лица и въ разрѣзѣ ея глазъ было что-то восточное. Она была одѣта въ черную шелковую юбку и кофточку изъ дорогой тармаламы; лицо ея носило на себѣ слѣды какой-то желтоватой пудры и глаза были подведены карандашомъ. Но она часто вглядывала на себя въ зеркало и, видимо оставалась довольна своимъ внѣшнимъ обликомъ.

Кедринскій низко поклонился и вышелъ.

V.

Корпусный командиръ былъ очень старымъ и заслуженнымъ генераломъ.

Онъ доживалъ послѣдніе дни въ городѣ и весьма неохотно занимался корпусными дѣлами, потому что оставлялъ корпусъ и переходилъ въ Петербургъ, въ военный совѣтъ.

Когда Кедринскій явился къ нему, генералъ стоялъ въ гостиной въ халатѣ предъ акваріумомъ.

Генералъ занималъ лучшій домъ-особнякъ въ городѣ и отдѣлалъ его по своимъ потребностямъ и вкусу. Когда-то онъ былъ страстнымъ рыболовомъ и вообще любителемъ природы. Ходилъ анекдотъ, что однажды онъ пріѣхалъ въ какой-то штабъ полка производить инспекторскій смотръ, одѣлся въ полную парадную форму, но, прежде чѣмъ сѣсть на коня и отправиться къ выстроившемуся уже полку, онъ вдругъ вздумалъ поудить рыбу въ рѣчкѣ, которая протекала за дворомъ временнаго помѣщенія, отведеннаго ему въ мѣстечкѣ.

Онъ усѣлся на траву во всѣхъ своихъ звѣздахъ

ПРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ НА ВОЙНУ. Оригин. рисун. **А. Шлиннера-сына.**

лентѣ и орденахъ, закинулъ удочку и такъ увлекся ловлей, что просидѣлъ два съ половиною часа за этимъ занятіемъ.

Командиръ полка встревожился исчезновеніемъ генерала и послалъ во всѣ концы разыскивать его. Долго его не могли найти, но, наконецъ, собственные его денщики догадались и отыскали его на берегу рѣчки. Генералъ спалъ, низко свѣсивъ подбородокъ надъ орденомъ Владиміра. Онъ былъ очень сконфуженъ и поспѣшилъ отмѣнить смотръ подъ предлогомъ внезапнаго нездоровья.

Теперь на мирной и спокойной должности командира отдаленнаго отъ центра военнаго округа корпуса, живя въ захолустномъ городкѣ, онъ пристрастился къ аквaріуму.

Аквaріумъ у него былъ великолѣпный, обширный, съ густыми водорослями и скалами; въ сосѣдней комнатѣ стоялъ резервуаръ съ воздухомъ, изъ котораго въ аквaріумъ шла гуттаперчевая трубка и впускала воздухъ въ воду. Воздухъ шелъ струйками изъ пузырьковъ и производилъ впечатлѣніе маленькихъ воздушныхъ фонтанчиковъ, красиво бившихъ среди лѣса водорослей и морскихъ растеній, среди которыхъ плавали золотыя, голубыя, серебряныя и черныя рыбки.

Генералъ очень любилъ ходить по комнатѣ въ халатѣ изъ дорогой шелковой персидской матеріи и стоять подолгу, разставивъ ноги, предъ своимъ аквaріумомъ.

Генералъ только что недавно сдѣлалъ новое пріобрѣтеніе: двѣ пары черныхъ толстоголовыхъ аскалотовъ, и любовался ими, когда, послѣ доклада вѣстового, вошелъ Кедринскій.

— Здравствуйте...— сказалъ ему командиръ корпуса и наставилъ ладонь къ уху, такъ какъ былъ чрезвычайно глухъ.

— Здравія желаю, ваше превосходительство.

— А?

— Здравія желаю, ваше превосходительство, — громче сказалъ Кедринскій.

— Угу...— ничего не разобравъ, отвѣтилъ генералъ и сталъ слѣдить за бѣгомъ одного аскалота, который гнался за другимъ.— Ишь, ишь, озорникъ какой! И все-то онъ ссорится, все ссорится,— обращаясь къ посѣтителю, заговорилъ генералъ.—И чего онъ только отъ него хочетъ? А?

— Ваше превосходительство! — стараясь какъ можно громче говорить, сказалъ Иванъ Петровичъ.— Я съ просьбой къ вашему превосходительству и съ порученіемъ отъ командира полка.

Генералъ засмѣялся.

— И я, и я говорю,— закивалъ онъ радостно головой.—Очень похожъ на командира полка. У меня они всѣ по именамъ. Вотъ этого аскалота я такъ и называю Слатинымъ—у него выпученные глаза, какъ у Николая Сергѣевича. А у этого вонъ усы такіе длинные, какъ у драгунскаго полковника, командовавшаго въ моей дивизіи полкомъ. Только я забылъ фамилію. Но я его называю „драгуномъ“. И удивительно, что Николай Сергѣевичъ преслѣдуетъ этого драгуна. У нихъ ненависть.

Онъ засмѣялся старческимъ смѣхомъ, вынулъ фуляръ и вытеръ имъ слезившіеся глаза.

— Ваше превосходительство!—въ отчаяніи вскрикнулъ Иванъ Петровичъ.—Николай Сергѣевичъ прислалъ меня доложить вамъ о моемъ дѣлѣ. Я прошу разрѣшенія жениться, но командиръ полка не рѣшается дать мнѣ это разрѣшеніе безъ вашей санкціи.

Генералъ приставилъ руку къ уху, внимательно выслушалъ офицера и въ знакъ того, что понялъ, кивнулъ раза два головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, — проговорилъ онъ серьезно, — я кормлю ихъ мясомъ, а не хлѣбомъ. Они отлично переносятъ мясо.

Кедринскій въ отчаяніи пожалъ плечами.

„Ну, что я могу сдѣлать съ этимъ глухаремъ?“— подумалъ онъ.

— Ваше превосходительство!—крикнулъ онъ изо всѣхъ силъ.—Я говорю о своей женитьбѣ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ генералъ,—по-стариковски, по-стариковски! Недавно былъ простуженъ, теперь ничего.

И онъ сталъ бросать куски нарубленнаго мяса въ воду.

Въ это время въ комнату вошелъ денщикъ и, подойдя къ офицеру, сказалъ ему вполголоса:

— Ваше благородіе, вы къ его превосходительству по дѣламъ?

— Ну да. А что?—спросилъ Кедринскій.

— Такъ что, ежели по дѣламъ, то потрудитесь перейти къ другому уху. Такъ вамъ не столковаться; а ежели на то ухо станете—все пойдетъ, какъ слѣдуетъ.

— А... ну, спасибо, братецъ.

И денщикъ такъ-же неслышно ушелъ, какъ вошелъ.

Кедринскій немедленно перешелъ на „другое ухо“.

— Ваше превосходительство! — сказалъ онъ. — Я пришелъ просить вашего разрѣшенія на вступленіе въ бракъ.

— А!..—живо отвѣтилъ генералъ,—вы хотите жениться? Напрасно, молодой человѣкъ, напрасно. Однако, вамъ слѣдуетъ обратиться къ командиру полка.

— Командиръ полка желалъ-бы знать ваше мнѣніе...

— И напрасно! Я уже не занимаюсь дѣлами. Еще недѣлька-другая, и я уѣду въ Петербургъ. Я сдаю корпусъ.

Дѣйствительно, все шло теперь, какъ по маслу. Генералъ слышалъ и отвѣчалъ толково. Но отъ этого все-таки дѣло Кедринскаго не подвинулось ни на іоту.

— Я въ принципѣ противъ брака, молодой человѣкъ,—говорилъ генералъ. — Да, противъ. По-моему, армія должна быть холостой. Только холостой человѣкъ свободенъ, а для службы требуется свобода. Ну-съ, и за всѣмъ тѣмъ, это—мой личный взглядъ, а у насъ существуютъ законы. Разрѣшеніе зависитъ отъ командира полка, къ нему и обратитесь. Препятствовать этому я не могу.

Генералъ обошелъ аквaріумъ, внимательно слѣдя за однимъ изъ аскалотовъ, который погнался за золотой рыбкой. Генералъ очутился къ Кедринскому вновь глухимъ ухомъ.

— Такъ я такъ и доложу командиру полка,—сказалъ Кедринскій, не замѣтивъ этого досаднаго обстоятельства. — Разрѣшите доложить, что вы ничего по существу не имѣете противъ моего брака?

— Вы думаете? — спросилъ корпусный командиръ. — Нѣтъ онъ ея не тронетъ. Это такъ, игры. Аскалоты не злы.

— Имѣю честь кланяться, ваше превосходительство,—сказалъ Кедринскій, понявъ, въ чемъ дѣло.

— Не знаю, право, — отвѣтилъ генералъ, — кажется, рубля по три. Мнѣ привезъ ихъ начальникъ штаба.

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Нежданный. (Къ рис. на стр. 1089.) И горе, и радость всегда почти являются внезапно. Нехорошо бываетъ, когда на смѣну радости является вдругъ нежданное горе, но зато какое блаженство, когда радость блеснетъ и засвѣтитъ среди неутѣшнаго горя! Велико было горе молодой красавицы. Счастье, радость первой любви, только что коснулось ея, она только что могла назвать женихомъ любимаго молодца, какъ вдругъ грянулъ громъ войны и разрушилъ ея счастье, давъ взамѣнъ тяжкое горе. Дни и ночи рыдала она, вспоминая о своемъ ушедшемъ на войну миломъ. «Гдѣ онъ, что съ нимъ, нѣтъ, уже не увижу я его больше, убитъ онъ, или, можетъ быть, умеръ на полѣ въ мученіяхъ, израненный, безпомощный!»— мучительно мнится ей и днемъ, и ночью. Но не всѣмъ горестямъ суждено оставаться неутѣшными. Нежданно-негаданно на смѣну горю явилась радость. Пришелъ онъ, ея герой, возвратился нежданный. Она еще не видитъ его. Поплачетъ, впрочемъ, еще дѣвица, увидѣвши бывшаго красавца, теперь калѣку, но не остановитъ любви къ нему его убожество!

Надежда. (Къ рис. на стр. 1095.) Надежда—вотъ чѣмъ главнымъ образомъ, держится міръ, что оживляетъ, даетъ силы живущимъ въ ней людямъ. Что было-бы съ бѣдною землею, со страдающимъ на немъ человѣчествомъ, если-бы не было надежды? Кто помогъ-бы ему переносить страданіе? Надежда сильная, прекрасная вдохновила и художника Зоммера создать эту прекрасную скульптуру.

Морской берегъ. (Къ рис. на стр. 1097.) Необъятно и таинственно море. Какая-то великая, непонятная тайна чувствуется и въ этихъ скалистыхъ берегахъ, къ которымъ такъ ласкаются волны, и въ этихъ развѣсистыхъ деревьяхъ, что вѣчно глядятся своими вѣтвями въ свѣтлое зеркало водъ? Зачѣмъ такъ ласкаются къ берегу волны? Зачѣмъ думается, что задумчивыя деревья хотятъ своими вѣтвями обнять море? Зачѣмъ, зачѣмъ это море, этотъ берегъ и эти деревья вызываютъ думы, погружаютъ въ мечты? Зачарованъ, должно быть, былъ уголкомъ моря и берега и фотографъ, что такъ неподражаемо передалъ его на своемъ снимкѣ.

Упрямые друзья. (Къ рис. на стр. 1103.) Дѣвочка пришла въ поле, чтобъ увести пасшагося на полѣ барана. Накинула дѣвушка на рога барана веревку и повела домой. Хорошо шелъ баранъ, пока не вздумалось ему пожевать свѣжей травы, которая такъ хорошо пахла и которую такъ любилъ онъ. Уперся рогатый, и напрасно дѣвушка тянетъ его.

Прелюдія вечера. (Къ рис. на стр. 1105.) Прохладный вѣтерокъ нежданно, вдругъ подулъ откуда-то, чуть-чуть заставивъ пошевелиться листочки на отягченныхъ плодами деревьяхъ. Солнце приблизилось къ горизонту и зажгло вокругъ себя краснымъ огнемъ облака, посылая міру свои прощальные лучи. И отъ деревъ, и отъ хаты пали косыя, длинныя тѣни. Кончается трудовой день, прелюдія вечера уже разыгрывается въ природѣ, и внимаетъ этой чудной музыкѣ дитя природы — крестьянка, благодарная Провидѣнію и за ниспосланный урожай плодовъ, и за ясный день.

Предъ отъѣздомъ на войну. (Къ рис. на стр. 1113.) Тяжело разставаніе съ близкимъ, любимымъ человѣкомъ вообще, какъ-же тяжела и ужасна разлука тогда, когда тотъ, съ кѣмъ разстаются, уѣзжаетъ на войну, на этотъ праздникъ смерти. Невольно здѣсь рвутся въ голову непрошенныя мрачныя думы и предчувствія.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СОДЕРЖАНІЕ № 35-го иллюстрированнаго журнала „РОДИНА“: **Весенній захватъ.** Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова). (Прод.) — **Съ того свѣта.** (Эпизодъ изъ нынѣшней войны.) Р. Л. Антропова.—**Изъ дневника.** Стих. Вл. Щуренкова. — **Счастье.** Этюдъ Арк. Александрова. — **Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Прод.) — **Описаніе рисунковъ.** — **РИСУНКИ:** Нежданный. Ориг. рис. Е. Степанова.—Надежда. Скульптура А. Зоммера.—Морской берегъ. По фотографіи съ натуры.—Упрямые друзья. Съ картины И. Г. Рашевскаго.—Прелюдія вечера. Съ картины Н. А. Сергѣева. — Предъ отъѣздомъ на войну. Ориг. рис. А. Шлипер асына.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Потонувшій. Веселая исторія съ участіемъ утопленника, записанная Гулливеромъ. — Бываетъ. (1 рис.) — Послѣ вѣнчанья. (1 рис.)—Осторожность. (1 рис.)—Благотворительница. Житейская сценка Апулея.—Рекламы XXI в. (1 рис.)—Пообѣдалъ (3 рис.) — Мозаика. — Створчатая задача № 29. — Магическій квадратъ № 13. — Шарада № 30. — Перестановка буквъ № 37.—Магическая фигура № 13.— Географическая задача № 27.—Перестановка буквъ № 38.—Загадка № 25. —Магическій угольникъ № 7. — Анаграмма № 3.—Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 33.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Въ траншеяхъ. (Съ 1 рис.) — Поимка шпіона. (Съ 1 рис.)—Перевозка раненыхъ. (Съ 1 рис.)—Подъ выстрѣлами. (Съ 1 рис.) - Мирные переговоры въ Портсмутѣ. (Съ 2 рис.)—Императоръ Францъ Іосифъ и король Эдуардъ въ Маріенбаденѣ. (Съ 1 рис.)—Вице-король Индіи, лордъ Минто. (Съ 1 портр.)—Британская эскадра въ германскихъ водахъ. (Съ 1 рис.)—Бѣгство леопарда изъ лиссабонскаго зоологическаго сада. (Съ 1 рис.) — Новая забава англійскихъ свѣтскихъ дамъ. (Съ 1 рис.)

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Собраніе романовъ „Родины“. 1905 г., № 17. Собраніе сочиненій Осипа Шубина, кн. 9-я, содержащая въ себѣ романъ:

„Сломанныя крылья“.

(Стран. 1—128.)

Примѣч.: „Общеполезная библіотека“ „Родины“ 1905 г., книга № 8, „Ботаника“, будетъ разослана при № 37 журнала „Родина“.)

СТЕРЕОСКОПЪ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Пріобрѣтайте по весьма доступной цѣнѣ новѣйшій металл. стереоскопъ съ 60-ю интересными видами
русско-японской войны
показывающій, буквально какъ въ натурѣ, всѣ событія Дальняго Востока. **Цѣна,** только на короткое время, 2 р. 50 к., пересылка — 25 к. (II и III позс. перес.—50 к.). Кромѣ того, имѣются виды разнаго содержанія въ 42-хъ серіяхъ, по 25 шт. въ каждой, по цѣнѣ 50 к. серія; высыл. налож. плат. безъ задатка. Требованія адресовать: Складу новостей **Т-ва „КОМЕТА“, Варшава, Гр., 48.** 413

Д-ра Шиндлеръ-Барнай
„Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли“
противъ
ОЖИРѢНІЯ
и отличное слабительное средство.
Настоящая упаковка 60 пилюль
въ коробкахъ краснаго цвѣта,
съ описаніемъ способа употребленія на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ. Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 607

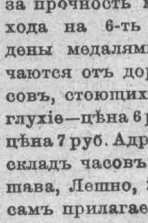
Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами
ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ
вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ
быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.
◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆
Главное депо для Россіи: В. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

Въ книжномъ складѣ изданій „РОДИНА“,
С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., 114, при главной конторѣ журнала „Родина“ или въ ея отдѣленіяхъ: 1) С.-Петербургъ, Садовая, д. № 20 и 2) Москва, Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“,
продается слѣдующая изданіе А. А. Каспари:
КОРОЛЕВСКІЯ ИДИЛЛІИ.
Десять поэмъ знаменитаго англійскаго поэта-лаурета **Альфреда Теннисона** въ полномъ стихотворномъ переводѣ **О. Н. Чуминой** съ иллюстраціями Г. Доре, Райда, Мэклиза и др., съ біографіей А. Теннисона, очеркомъ его литературной дѣятельности и статьей о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола. **Единственное на русскомъ языкѣ изданіе поэмъ А. Теннисона.** Цѣна для гг. подписчиковъ „РОДИНЫ“ безъ перелета 1 р. 50 к. съ перес., въ переплетѣ 2 р. съ пересылкой.

НАУЧИТЕСЬ БЕЗПЛАТНО.
Бухгалтерскіе курсы С. Вольченка въ Полтавѣ, съ цѣлью распространить свои лекціи, въ продолж. 2-хъ или 3-хъ мѣс. высылаютъ заочн. ученикамъ лекціи корреспонд. по двойн. ит. бухгалтеріи, отвѣчаютъ на всѣ вопросы и выдаютъ аттестаты, по той-же программѣ, какъ за 30 р., всего за весь курсъ съ пересылкой за 3 р. 25 коп. Впередъ взимается 2 р. 25 к. и 1 руб. при выдачѣ аттестата. Достаточно знать 4 дѣйств. ариѳметики. Плохопишущимъ высылаю полн. курсъ каллиграфіи вмѣсто 1 р. 60 коп. за 50 коп. съ пересылкою. Плата эта назначена только до 1-го января 1906 г. Адресовать: **г. Полтава,** Бухгалтерскіе курсы, **С. Вольченку** (укажите въ какомъ журналѣ читали это объявленіе). 411

ДЛЯ МУЖЧИНЪ и ДАМЪ
иллюстр. прейсъ-курантъ парижск. резин. новост. съ объяснен. высыл. за 7-микоп. марку, въ закр. конв. **Э. ЛИПШИЦЪ, Варшава, 2-я контора.** 403

ВМѢСТО 25 РУБ.



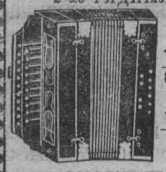
только за 3 р. 75 к. съ пер. высылаемъ нал. платежомъ безъ задатка изящн. и прочн. карманн. мужск. откр. часы изъ настоящаго французскаго новаго золота „Вѣкъ“ ● не позолоченные ● заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6-ть лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоющихъ 100 руб. Такіе-же глухіе—цѣна 6 руб. Дамскіе глухіе—цѣна 7 руб. Адресовать: Въ главный складъ часовъ Т-ва „Таванъ“, Варшава, Лешно, 22. Безплатно къ часамъ прилагается цѣпочка того-же металла и брелокъ.

Р. S. Премія: при заказѣ 5 штукъ часовъ сразу прилагаются 1 часы безплатно. 404

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ.

2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса
16 р. 20 р. 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
МѢДНЫЯ ПЛАНКИ
5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р.
8 руб., 9 руб. 50 к.
СТАЛЬНЫЕ голоса
МѢДНЫЯ ПЛАНКИ
10 р. 50 к., 11 р. 75 к.,
12 р. 50 к., 14, 16 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

АЗІАТСКІЯ ИТАЛЬЯНСКІЙ-РОЯЛЬНЫЙ СТРОЙ
МѢДНЫЯ ПЛАНКИ, МѢДНЫЕ ГОЛОСА.
УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.

3-хъ ПЛАНОЧНЫЯ
12 клап. 14 клап.
9 руб. 10 руб.
4-хъ ПЛАНОЧНЫЯ
14 клап. 16 клап. 18 клап.
12 руб. 14 руб. 16 руб.
5-ти ПЛАНОЧНЫЯ
14 клап. 16 клап. 18 клап.
15 руб. 17 р. 50 к. 20 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
Москва, Срѣтенка
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейсъ-куранты безплатно.

Контора редакціи журнала и газеты „РОДИНА“

имѣетъ честь покорнѣйше просить гг. провинціальныхъ подписчиковъ, уплатившихъ до сихъ поръ только

по **ЧЕТЫРЕ** и **ПЯТЬ** рублей,

поспѣшить взносомъ остальныхъ денегъ въ доплату годовой подписной цѣны за журналъ „Родина“, стоящій **шесть** рублей, во избѣжаніе остановки полученія номеровъ журнала и его приложеній, состоящихъ изъ слѣдующаго:

1) большая ОЛЕОГРАФІЯ

„ЗА ЧЕСТЬ и СЛАВУ РОССІИ“

съ картины **Н. Н. Каразина,**

2) большая гравюра, напечатанная въ тонахъ.

„НА ВОЙНУ ВЪ 1877 г.“

съ картины **К. А. Савицкаго.**

Лицамъ, не внесшимъ сполна годовой подписной платы, **высылка журнала будетъ прекращена съ № 40-го** (т. е., послѣдній высланный имъ номеръ будетъ № 39).

При доплатѣ **необходимо прилагать тотъ адресъ,** который наклеивается на оболочку журнала, а въ случаѣ неимѣнія его, сообщать его подробно письменно, проставляя **цифры тракта и мѣста** (цифры, стоящія на адресѣ справа) и **номеръ** (стоящій на адресѣ слѣва вверху).

Дешевая библіотека
РУССКИХЪ КЛАССИКОВЪ
изданія А. А. КАСПАРИ,
выходящая, какъ особое дополненіе „РОДИНЫ“
исключительно для
ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ
по крайне льготной и
УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ

I.
А. С. ПУШКИНЪ.
Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ. Цѣна безъ переплета 1 р., въ двухъ тисненыхъ переплетахъ 1 р. 40 к. безъ пересылки.

II.
Н. В. ГОГОЛЬ.
Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ въ переплетѣ. Цѣна 1 руб. безъ пересылки.

III.
В. А. ЖУКОВСКІЙ.
Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ, въ переплетѣ. Цѣна 1 руб. безъ пересылки.

IV.
М. Н. ЗАГОСКИНЪ.
Полное собраніе историческихъ и бытовыхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и очерковъ въ двухъ томахъ. Цѣна безъ переплета 1 руб., въ двухъ тисненыхъ переплетахъ 1 р. 40 коп. безъ пересылки.

За пересылку **КАЖДАГО** изъ этихъ четырехъ изданій прилагается отдѣльно: для мѣстъ Европейской Россіи—50 к., для мѣстъ Азіатской Россіи—60 к.

ОСОБАЯ ЛЬГОТА.

Лица, живущія въ Европейской Россіи, при совмѣстной выпискѣ **двухъ изданій** русскихъ классиковъ платятъ:

1)	За Гоголя и Жуковскаго вмѣстѣ	2 р. 50 к.
2)	За Гоголя и Пушкина „	2 „ 90 „
3)	За Гоголя и Загоскина „	2 „ 90 „
4)	За Жуковскаго и Пушкина „	2 „ 90 „
5)	За Жуковскаго и Загоскина „	2 „ 90 „
6)	За Пушкина и Загоскина „	3 „ 30 „

При выпискѣ всѣхъ четырехъ изданій, т. е., сочин. Гоголя, Жуковскаго, Пушкина и Загоскина, вмѣстѣ платятъ 5 р. 80 к.

Лица, живущія въ Азіатской Россіи, ввиду дороговизны пересылки, уступкой не пользуются.

V.
МАРЛИНСКІЙ.
(А. А. БЕСТУЖЕВЪ.)
Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ. Цѣна 1 руб. безъ переплета, а въ двухъ тисненыхъ переплетахъ 1 р. 40 коп. безъ перес. За перес.: 50 к. для Европ. Россіи, 60 к.—для Азіатской. (Это собраніе выйдетъ въ 1905 г.)

VI.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СТИХОТВОРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
знаменитыхъ русскихъ поэтовъ эпохи Пушкина:
бар. А. А. Дельвига, Е. А. Баратынскаго, В. Л. Пушкина, Н. И. Гнѣдича, К. Ф. Рылѣева, Д. В. Веневитинова и А. И. Полежаева.

Въ двухъ томахъ. Цѣна этихъ двухъ томовъ, содержащихъ собраніе стихотвореній всѣхъ СЕМИ вышеуказанныхъ поэтовъ, безъ переплета 1 р., а въ двухъ переплетахъ 1 р. 40 к. безъ перес. За пересылку: 50 к.—для Европ. Россіи, 60 к.—для Азіатской. (Это собраніе выйдетъ изъ печати въ 1905 г.)

Требованія адресуются въ
книгоиздательство А. Каспари.
С.-Петербургъ, Лиговская ул., 114,
при главной конторѣ журнала „Родина“ или въ ея отдѣленія: 1) С.-Петербургъ, Садовая, д. 20, и 2) Москва, Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“.

ЛУЧШІЯ ГИЛЬЗЫ

„ФИЛИГРАНЪ“
и
„ТРІУМФЪ“
ВЕЛИЧАЙШІЯ ВЪ МІРѢ.
ФАБРИКИ ТОРГ. ДОМА
А. КАТЫКЪ и К°
МОСКВА

ВОСТОЧНЫЯ ПИЛЮЛИ
PILULES ORIENTALES
развиваютъ, укрѣпляютъ и возстановляютъ бюстъ, сглаживаютъ выпуклости костей на груди и плечахъ, заполняя углубленія, происходящія отъ худобы, и придаютъ граціозную полноту бюсту.
Флаконъ съ объяснительной брошюрой—3 руб. съ пересылкой.
J. RATIÉ, аптекарь, 5 PASSAGE VERDEAU, Парижъ.
Депо у „Штоль и Шмидтъ“ въ С.-Петербургѣ и во всѣхъ аптекахъ. 409

ЧИСТОЕ ЛИЦО
получается скоро послѣ употребленія новаго средства
Угрих
отъ
ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку.
Перес. налож. плат. изъ оптов. склада Рич. Пето. СПБ. Караван. ул. 16 кв. 9.

НОВОЕ
ПАРОВАГО мыл.-химич. завода
П. Н. ВИНОГРАДОВА.
Клопы вездѣ уничтожаются со всѣми зародышами.

„РЕПО“
Цѣна бан. 20, 35 и 55 к.
Высыл. не менѣе на 1 р.
Перес. налож. платеж. маг.
П. Н. Виноградова,
Москва, Рождественка, д. № 2.

Сенсац. новость.

„ФИГАРО“ безопасная бритва. Каждый этой бритвой можетъ бриться совершенно безопасно, даже на полномъ ходу поѣзда. Бритва эта изъ самой лучшей англійской стали. Болѣе 2.000.000 шт. въ употребленіи. Ц. 3 р. 50 к. съ перес. Оптово-розничн. складъ Леонарди, СПБургъ, Пассажъ, 53. Фирма сущ. съ 1867 г. Много благодарств. пис. Ручат. за каж. бритву. 377

GRAND PRIX Высшая награда на Международной Гигіенической Выставкѣ въ Парижѣ 1905 года 364
Пров. КИНУНЕНА. **ЭЛЕОПАТЪ.**

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

Дозволено цензурою. Спб., 5-го августа 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканирован reduktor
tracker.org